

«Горьковец», орган партбюро, т-кота и дирекции МХАТ СССР им. Горького  
№17(117), 1-й 1940, с.2.

# Привет замечательной актрисе МХАТ

## Театр чествует Ольгу Леонардовну

## Ольга Леонардовна Книппер-Чехова

В антракте после 1-го действия спектакля «Гартиф» 21 сентября в артистическом фойе 2-го этажа пришли артисты, режиссеры, работники театра, чтобы поздравить О. Л. Книппер-Чехову со днем рождения.

Восторженными аплодисментами встречают собравшиеся О. Л. Книппер-Чехову. Ольга Леонардовна в гриме, она только что играла 4-ую Пернель в «Гартифе».

С напряженным вниманием слушается приветственное слово Владимира Ивановича.

— Я думаю, — начинает Владимир Иванович, — что буду говорить только от себя, но меня просят сказать и от театра. От себя я могу говорить очень много. В течение 45 лет мы с Вами столько соли сели, было столько самых разнообразных — драматических, серьезных и глубоко дружеских — переживаний, что для меня вся эта область Вашей жизни в Художественном театре — какал-то большая часть и моей жизни.

Художественный театр и Вы — это неотделимо! До такой степени во всех творческих исканиях и Художественного театра и Ваших на протяжении свыше сорока лет Вы жили всем, что делалось в театре!

Художественный театр и Книппер-Чехова — одно! Весь театр высоко ценит и Ваши талант, и Вашу любовь к делу, и Вашу постоянную жизнерадостность, и Ваше отношение ко всему, что бывает в театре радостного, хорошего, что захватывает и чувства, и частную жизнь.

Художественный театр ценит Вас, любит, и мы надеемся, что Ваша бодрость будет еще долго обогащать нас и наш репертуар.

И слова раздаются взволнованные аплодисменты.

Ольга Леонардовна хочет отвечать. Но приветствия еще не кончились. От партийной организации театра выступает М. И. Гуляев:

— От имени партийной и общественных организаций театра в день Вашего рождения мне поручено Вам, Ольга Леонардовна, передать самый сердечный, самый горячий привет.

Весь Ваш большой творческий путь может служить классическим образцом добросовестного служения своему делу, делу театрального искусства, примером творческой собранности и дисциплины. За Ваш энтузиазм, за неутомимую энергию, за гигантский труд, который положен Вами, Ольга Леонардовна, на благо русского театра, за ту беззаветную и страстную любовь, которую Вы отдали искусству, хочется особенно сердечно поздравить Вас с днем рождения, и с надеждой на дальнейшее плодотворное творчество, на процветание Художественного театра.

Теплое приветствие от месткома зачитывает А. М. Бардин.

### От имени молодежи

— После каждого спектакля придя домой, проверяйте, как вы сегодня играли, что было хорошего, что вы нашли нового, а что не удалось, было пустым и неверным, — так сказала мне Ольга Леонардовна после «Вишневого сада», когда я в первый раз сыграла Аню — мою первую роль в Художественном театре.

И с тех пор на каждом спектакле я чувствую внимательный, дружеский и требовательный взгляд Ольги Леонардовны.

Благодаря тому, что Ольга Леонардовна всегда несет с собой на сцену большое, настоящее чувство, так искренне и глубоко верит во все происходящее, — играть с ней радостно, волнительно и легко.

Стоя за кулисами, я часто слушаю сцену Раневской и Пети в III акте «Вишневого сада», и меня каждый раз покоряет правда, простота и легкость Раневской — Ольги Леонардовны. Не только покоряет, восхищает, но и много учит.

Хочется, чтобы Ольга Леонардовна чаще и больше делилась с нами, с молодежью, опытом своей большой замечательной жизни.

Мы учимся у Ольги Леонардовны не только ее мастерству, но и беззаветной любви к театру, безраздельному служению искусству Художественного театра.

Е. ПЕТРОВА.

□ □ □



Маша — О. Л. Книппер-Чехова, Фото М. Сахарова.

В. Г. Сахновский оглашает поздравительную телеграмму от тов. Храпченко:

«Горьчо приветствую Вас в день Вашего рождения. Ваша долготелая плодотворная деятельность в Художественном театре, яркие сценические образы, созданные Вами, навсегда вошли в сокровищницу русского театрального искусства. Желаю Вам долгих лет здоровья и новых творческих успехов для блага социалистического искусства, так любимого нашим народом».

От коллектива театра подносят подарки Л. М. Леонидов, К. Н. Еланская, М. Н. Федоров и Т. Е. Михеева.

В своем ответном слове О. Л. Книппер-Чехова говорит:

— Дорогие товарищи, друзья, подруги! Я говорить не умею, — мне остается поблагодарить Вас. Я только одно скажу, что если я приличная актриса, приличный человек, то это благодаря Художественному театру, благодаря Владимиру Ивановичу, Константину Сергеевичу и Антону Павловичу.

— И чуть-чуть благодаря самой себе! — добавляет Владимир Иванович под аплодисменты присутствующих.



## ЧЕЛОВЕК УДИВИТЕЛЬНОГО СЕРДЦА

Когда я вспоминаю о первом знакомстве с Ольгой Леонардовной, то мне начинает казаться, что я знала ее всегда, хотя личное знакомство произошло только при моем поступлении в МХАТ. Но разве я не знала с юности О. Л. Книппер-Чехову — любимую актрису московской молодежи, разве не была она одною из тех, кто заставил меня вырваться в Московский Художественный театр первой пылкой влюбленностью, перешедшей потом в большую вечную любовь?

В памяти юных лет стоит образ обаятельной актрисы О. Л. Книппер-Чеховой, которая в своих лучших ролях так волновала душу, заставляла любить театр и мечтать о сцене, о том, чтобы посвятить свою жизнь театру.

Я жила и училась в Замоскворечье и была далека от жизни театра, но я всегда жадно прислушивалась ко всему, что говорили о любимых актерах; старалась часто бывать в концертах, чтобы видеть их «в жизни». И всегда мне хотелось увидеть в актере или актрисе того идеального че-

ловека, которым он был на сцене. И глядя на Ольгу Леонардовну, я думала: «А вот она кажется такой же и в жизни, как те героини, которых она играет на сцене; она простая, сердечная и, вероятно, умеет по-настоящему любить людей».

Потом, когда я стала старше и близко узнала жизнь театра, я поняла, что очень немногие актеры остаются в жизни такими же прекрасными людьми, чистыми и умеющими любить, как герои на сцене. Но Ольга Леонардовна осталась для меня той же, какой я восприняла ее в свои юные годы. Вот уже 25-й год, как я работаю с ней вместе, и не было ни одного случая, чтобы тень промелькнула на светлом образе чудесной Ольги Леонардовны! Всегда я встречаю в ней нежного, отзывчивого товарища и друга, умную, тонко чувствующую женщину, страстно любящую Художественный театр, его творцов и его искусство, умеющую болеть за его ошибки и радоваться его победам.

И кажется мне, что у нас в театре Ольга Леонардовна — одна из самых моло-

дых женщин. Такая у нее всегда кипучая энергия, такой хороший творческий запал! И чудесный характер! Я никогда не слышала, чтоб на репетициях она сердилась, ворчала, ссорилась, а за кулисами злобно вела или бранила кого-нибудь. Когда ей тяжело, она становится мрачной, печальной, но никогда злой. И мечтатель театрального никогда у нее не было, так же как и дурной богеми. Зато веселится она умеет как никто. Когда видишь ее среди друзей, слышишь ее веселый смех, то чувствуешь, как много в ней еще молодого задора, бурного веселья.

Зато, когда на душе грустно, когда терзает сомнения, поговоришь с Ольгой Леонардовной и сразу становится легче, а главное — легче. Умеет она согревать людей! Поэтому и хочется ласково и сердечно обнять ее на ее юбилей и сказать ей: будьте здоровы, дорогая Ольга Леонардовна, спасибо вам за то, что вы несете нам свой талант и свое большое удивительное сердце!

Е. ТЕЛЕШЕВА.



Раневская — О. Л. Книппер-Чехова.



Царица Ирина — О. Л. Книппер-Чехова.



Настя — О. Л. Книппер-Чехова.

Фото М. Сахарова.

## ЖИЗНЬ, ОТДААННАЯ ТЕАТРУ

Ольга Леонардовна Книппер... Это имя для москвичей эпохи моей юности звучало совсем по-особенному. От него точно веяло свежим, немного пряным ароматом летних бархатцев, и в нем была какая-то загадка.

Она была своеобразна и не похожа на других девушек из артистического круга. Это была живая, деятельная девушка, жаждущая отдать искусству свой талант, всю силу своей богатой и полнокровной натуры. И она делала это.

Говорят, у ее матери-певицы был «от природы поставленный» голос. У Ольги Леонардовны — также «от природы поставленный талант». С ней не пришлось много возиться, учить, она пришла на сцену во всеоружии своего оригинального обаяния, своего богатого, но сдержанного дарования. И сразу стала в «первые ряды». Вспоминаю множество ролей, перенятых актрисой, я не могу вспомнить ни одной неудачной, тем более — ни одной бледной. Роли, созданные ею, разнообразны — всех не перечислить — и какие контрасты: иконописная Ирина («Парфень») и проститутка Настя («На дне»), чистая, гордая Анна Мар («Одинок») и типичная каботинка Аркадина («Чайка»). Но в них всегда проглядывала сама О. Л. Книппер, ее четкая, точно выделанная графичность нарисованная улыбка, с всегдашним оттенком таин-

ственности — улыбка, которая скрывала что-то радостное, ей одной известное. Каждый образ был убедителен, доносил до зрителя то, что хотелось автору, что виделось поэту.

Низкий поклон Ольге Леонардовне за те радости, которые она доставила всем нам, но особенно за Машу из «Трех сестер». Это, конечно, ее высшее достижение. Тут она вполне проявила ту высочайшую щепетильную простоту и правду, которым так страстно учили К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко. В этой роли мало слов, но в ней она положительно «жила». О. Л. Книппер сама говорила мне, что часто совершенно забывала, что она не Маша, а Ольга Леонардовна, и когда перед прощанием с Вершинным она шла на сцену, то закрывала глаза и только внутренне молила, чтобы никто не подошел к ней, не спугнул тоски, переполнявшей ее, как чапу, которую боинься расплескать... Она молчала на сцене, а оторваться от нее было нельзя. И их дуэт со Станиславским — иначе трудно назвать то полное слияние двух артистических эмоций на сцене — остался у меня в памяти, по словам Марка Аврелия, «одним из тех сокровищ, которые никто не может у меня отнять».

Годы шли... И теперь мы можем смело сказать, что загадка разгадана. Жизнь О. Л. Книппер — это долгая, благородная

артистическая дорога, без интриг, без шумихи, без громких слов, полная отдача себя «всепожирющему театру», как она говорила.

Из этого пути — несколько лет рядом с А. П. Чеховым, героинь которого она так очаровательно воплощала. Это была жизнь, это было счастье, но и большой надрыв. Чехов первый не хотел и не допустил бы, чтобы его «милая актриса», его «актрисуля», как он любовно звал ее, ушла бы от театра — и были постоянные встречи и разлуки, тревоги и ожидания... Когда после смерти Антона Павловича она осталась в своей просторной квартире, то с недоумением спрашивала себя: «Зачем мне все это — мне только койка нужна: мой дом — театр».

Этим домом театр и остается для нее и до сих пор. Работа уголяет все ее потребности, дает ей все радости. Сорок лет непрерывного горения сценой — вот в чем оказалась разгадка всей ее жизни. Я смотрю на ее попрежнему четкие, тонкие черты, на слегка посеребренные волосы: улыбка только не прежняя — она не скрывает больше радостной тайны, в ней и грусть и утрат, и примиренность мудрости. И в душе большое восхищение перед этой цельной, прекрасной жизнью — перед найденной разгадкой.

Т. ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК, заслуженный деятель искусства.

Когда к фамилии «Книппер», уже дорогой нам, ранним зрителям раннего Художественного театра, прибавилось заветное имя «Чехова», это не было только внешним свидетельством, что на сцене мы видим супругу А. П. Чехова, — это означало и то, что перед нами лучшая артистка чеховских ролей, лучшая исполнительница Аркадиной, Маши, Раневской. Если б Ольга Леонардовна и не была супругой Чехова, она своим исключительным исполнением чеховских образов заслужила бы почетное право на имя — Чехова.

В чеховских образах Ольга Леонардовна нашла тот единственный, им свойственный, им сопутствующий аромат, который так трудно найти и без которого отлетает от этих образов их поэзия. Какой музыкальный ключ подобрала к ним Ольга Леонардовна? Какой ритм она уловила? Какую лирическую тропу к ним нашла? Не знаю. Я только знаю, что если существует вполне ясный и неизменно волнующий образ — «чеховская женщина», как существует «тургеневская девушка», то Ольга Леонардовна — несомненная виновница этого существования. Знаю я еще одно: в каждом чеховском образе у Ольги Леонардовны есть живая сердцевина современности, в каждой «чеховской женщине» есть порыв того весеннего ветра, который обвевал жизнь и искусство в преддверии 1905 года.

Чеховская речь. Особая чеховская речь, не похожая ни на речь Гончарова, ни на речь Толстого, ни на речь Тургенева. У кого же они чище, стройнее, проще и волнительнее, чем у Ольги Леонардовны?

Вспоминаю и другой образ, созданный Ольгой Леонардовной, — парижки Ирины. Я видел ее в этом образе на заре театра и видел в юбилейном спектакле 1938 года.

Как на весенней, так и на осенней заре Ольга Леонардовна удавалось показать в парижке Ирине то, что составляет основу ее характера: сердечный ум, сердечную волю. «Редкое сочетание ума, твердости и кроткой женственности составляет ее основные черты», — пишет Алексей Толстой. Это самое и составляет Ирину, какой ее показывает Ольга Леонардовна. Ирине приходится много молчать в то время, как кругом нее кипит страсти, мнутесь умы, накаляется доба человеческого воли. Но в самом молчании Ирины бодрствует ее светлый ум, бьется ее неспящее сердце, крепчает ее благородная воля: мы слышим голос Ирины во время ее молчания.

Настя в «На дне» не надо ни вспоминать, ни заглядывать в старые программы. Долгие годы Ольга Леонардовна выступала в пьесе Горького без замены. Никому не хотелось заменить ее. Другая Настя... Как же может быть другая? Трагичнее? Натуральнее? Поэтичнее? Но все это было бы отход образа в сторону неполноты, односторонности, т. е. в сторону несправды. Настя — вот такая, какую знаем ее с 1902 года, с чеховским «всего понемножку», и с большим страданием, горьким и одиноким, — вот это и есть настоящая Настя. И при том, это — русская женщина, хорошая русская женщина, с душевной щедростью, с емким сердцем.

Это ли не лучшее свидетельство удачной артиста, когда созданный им образ поднимает подлинность единственно-возможного, неповторимого человеческого существования?

Я все говорил о правде и подлинности. А поэзия? Разве ее мало было в творчестве Ольги Леонардовны?

Признаюсь, я во многом завидую современной молодежи; но в одном пусть молодежь позавидует нам, «отцам» и «дедам», — в том, что открывала нам некогда прекрасная страна искусства. Вот пусть позавидуют, что мы видели О. Л. Книппер-Чехову Лелем, чудесным веселым Лелем, любимцем знойной Ирины, в «Снегурочке» Островского.

«Снегурочкой» очарован», — пишет Горький Чехову в октябре 1900 года, — Ольга Леонардовна — идеальный Лель».

Нам, целому поколению (или, увы, остаткам целого поколения!), остается только завидовать — с подлинным верою: идеальный Лель!

Я не пишу здесь ни статьи, ни воспоминаний. Я вправе остановиться здесь и сказать:

— Спасибо, дорогая Ольга Леонардовна, спасибо и за Чехова, и за парижку Ирину, и за Горького, и за чернокожего Леля, — спасибо за все!

С. ДУРЫЛИН.

□ □ □



Г-жа Пернель — О. Л. Книппер-Чехова. Фото М. Сахарова.